

Примечания:

- ¹ Сборник основных приказов по исправительно-трудовому праву. М., 1989. С. 229–265.
- ² Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 160, 176, 261.
- ³ СЗ СССР, 1929. № 72. С. 686.
- ⁴ Архив УФСИН России по РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 223. Л. 62; Д. 224. Л. 27; Д. 225. Л. 69; Д. 226. Л. 82.
- ⁵ Архив МВД РБ Ф. 12. А№ 1. Д. 162. Л. 41–42.
- ⁶ Архив МВД РБ Ф. 12. А№ 3. Д. 147. Л. 23–41.
- ⁷ Архив МВД РБ. Ф. 12. А№ 1. Д. 318. Л. 92.
- ⁸ Архив МВД РБ. Ф. 12. А№ 1. Д. 323. Л. 190.
- ⁹ Архив УФСИН РФ по РБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–7.
- ¹⁰ Там же. Л. 9.
- ¹¹ Там же. Л. 51.
- ¹² Архив МВД РБ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 68. Л. 52–53.
- ¹³ Там же. Л. 54.
- ¹⁴ Шутов Ю.И. К вопросу о некоторых условиях рецидивной преступности // Сборник аспирантских работ/ Свердловский юридический институт. Вып. 3. 1964. С. 221.
- ¹⁵ Дементьев С.Д. Классификация заключенных и система исправительно-трудовых учреждений: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1966. С. 58.
- ¹⁶ Архив УФСИН РФ. по РБ. Ф. 3. Д. 57. Л. 67–69.
- ¹⁷ Архив МВД РБ. Ф. 1. А№ 282. Д. 01. Л. 8.
- ¹⁸ Архив МВД РБ. Ф. 12. А№ 1. Д. 318. Л. 73; Ф. 12. А№ 1. Д. 319. Л. 36.
- ¹⁹ Там же. Л. 34, 74.
- ²⁰ Фонд музея УИН МЮ РФ по РБ. Оп. 1. Л. 388.
- ²¹ Архив УФСИН РФ по РБ. Ф. 3. Оп. 1. А№ 50. Л. 75.
- ²² Там же. Л. 76.

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

**«...Я ВАС ПОЛАГАЮ ЕДИНСТВЕННЫМ
У НАС В ИРКУТСКЕ ИСТОРИКОМ»: В.Н. Шерстобоев
и сообщество местных историков, 1950-е гг.**

Местная историческая наука по сей день, к сожалению, склонна рассматривать «Илимскую пашню» В.Н. Шерстобоева всего лишь как «печатный архив», имеющий огромный «фактологический потенциал». Подчеркивая тем самым значение книги в качестве источника исторических фактов (значение которого, заметим, многократно возросло после передачи большей части материалов Илимской и Усть-Киренской канцелярий, использованных при написании работы, в Российский государственный архив древних актов) и не рефлексировав по поводу изменений, произведенных ею в практике местных историописаний.

Между тем, уже сам факт обращения к сохранившемуся в Государственном архиве Иркутской области фонду илимской воеводской

приказной избы, содержавшему документальные материалы конца XVII–XVIII вв., не профессионального историка, а специалиста в области экономики сельского хозяйства, представляет немалый историографический интерес.

Было бы упреждением искать объяснение лишь в социальном контексте, крайне неблагоприятном для развития местной исторической науки, разрабатывавшей преимущественно историко-партийную или историко-революционную тематику. Ответ, как представляется, кроется в особенностях архивного материала, отмеченных исследователем в первых строках работы, в преобладании среди документов «...тех первичных бумаг, которые в сильной степени отобразили преимущественно мелкие стороны хозяйственного быта российской окраины. В этих старинных делах нет свидетельств о крупных исторических событиях, напротив они касаются лишь незначительных, повседневных вопросов и рассказывают о рядовых, обыденных лицах. Илимский архив позволяет восстановить с большой подробностью картину развития экономики северного Предбайкалья»¹. Именно поэтому осуществить сложный комплекс архивных и археографических работ, связанных с включением в научный оборот новых исторических источников, с последующей их научной обработкой и интерпретацией, довелось далекому от исторической науки исследователю.

Уже в том внимании, которое Шерстобоев уделил проделанной им работе архивиста, можно усмотреть отнюдь не одно только стремление историка-неофита поделиться с читателем приобретенным опытом или подчеркнуть свои несомненные заслуги перед местной исторической наукой. (Хотя, справедливости ради, заметим: среди историков — предшественников и современников Шерстобоева — нельзя назвать никого, кто ввел бы в научный оборот такую массу новых источников и фактов.) За этим вниманием кроется и критика в адрес последней, долгие годы не проявлявшей интереса к этим документальным материалам и даже не осуществившей их технической обработки: к началу его работ над илимскими документами, подчеркивает Шерстобоев, немалая их часть все еще «представляла неописанные дела, состоявшие, главным образом, из так называемой россыпи»².

В ходе «приведения в ясность и упорядочения» двухтонной россыпи документов исследователем было сформировано 1774 дела, состоящих из 160 006 листов³, т.е. практически в одиночку проведена работа по научно-методической разработке и систематизации фонда Илимской приказной избы. Работа, которую местный архив не имел возможности осуществить, по признанию руководства архивным делом в регионе тех лет, в силу отсутствия «квалифицированных кадров, хорошо владеющих скорописью (т.е. приемами чтения почерка деловой письменности XVII и XVIII вв. — *Д.М.*)»⁴.

В процессе визуального знакомства с содержанием архивных дел и отдельных документов Шерстобоеву стали очевидны те невосполнимые лакуны, которые образовались в коллекции документальных материа-

лов илимской воеводской канцелярии. «Драгоценное хранилище мирной героики илимского крестьянства» пострадало не только за долгие годы его пребывания в нетопленных, сырых амбарах «киренского архива», но вследствие небрежного отношения уже после того, как последний был «спасен» для науки. Более того, именно этот период его существования продемонстрировал своеобразный, поистине «избирательный интерес», проявленный к сохранившимся в нем раритетам «деятелями» местной исторической науки. Ценные части архивного собрания и, прежде всего, подлинные акты Сибирского приказа были, по мнению исследователя, похищены уже «в наше время, не позднее начала XX в. Кто знает, может быть часть этих, изъятых хищной рукой сокровищ еще скрывается в частных собраниях древностей»⁵.

От исследователя потребовалось далеко не поверхностное знание основ источниковедения, археографии и палеографии, то есть с приемов прочтения и передачи в печатном издании рукописных текстов XVII–XVIII вв. На страницах книги он убедительно демонстрирует умелое владение прикладными методиками и техническими приемами работы со «старинными текстами», а также процедурами их восстановления, имеющимися в арсенале исторической науки. Неизменно подчеркивая первостепенную важность для этого понимания «общего содержания» документа, требующего уже профессиональных знаний и опыта в области экономики сельскохозяйственного производства.

Из «тайников воеводской канцелярии» ученый извлекает даже колос ржи, обнаруженный им между листами дела хлебного повывья 1755 г. Будучи сфотографирован в натуральную величину, он не просто иллюстрирует страницы книги, посвященные структуре полевых культур в Илимском воеводстве, а «документируется» исследователем, «приобщается» им к архивному фонду.

Столь нетривиальный прием, вряд ли пришедшийся по душе академическим историкам, но простительный, с их точки зрения, непрофессионалу, лучше всего иллюстрирует и провозглашенный В.Н. Шерстобоевым в качестве основного способ разработки документальных источников: «сплошное изучение каждого документа, каким бы малоценным, с точки зрения излагаемой темы, он ни казался»⁶. Противопоставленная исследователем «избирательному подходу», направленному на выбор наиболее информативных с точки зрения выбранной темы документов, фронтальная проработка источников, несущих в себе разностороннюю информацию об агротехнических, экономических, демографических, социальных процессах, явлениях, структурах и событиях в пределах локального территориального пространства, неизбежно привела к расширению проблематики исследования.

Комплексное по своему характеру исследование В.Н. Шерстобоева закладывало фундамент «локальной истории», отталкивающейся от «объекта» изучения («края», «места», «локуса»), но не отождествляю-

щей его с «предметом» познания. Работа не стала простым архивным изучением определенной группы документов по территориальному принципу. Исследователь соединил архивные разыскания с обследованием местности изучаемых им исторических событий, более того, в своих работах с источниками движется к ним от географии, рельефных, природных условий местности, а не в противоположном направлении.

В процессе работы над архивными документами В.Н. Шерстобоев совершил три поездки по местам описываемых событий (в 1945, 1946 и 1949 гг.), в ходе которых «смотрел, слушал, вникал, учился, фотографировал»⁷, детально знакомясь с ее географией и топонимикой, собирая сведения об агротехнических приемах местного населения, местных говорах, сохранившихся памятниках деревянного зодчества, происхождении семей, их передвижении по региону и т.д. Результатами поездок стало более глубокое понимание источников, привязка содержащейся в них информации к конкретным географическим и прочим условиям.

Составленное ученым детальное описание региона, включающее сведения о географии, климате, почвах, растительности, населенных пунктах, событиях и людях прошлого не было, однако, возвратом к «краеведению» минувших столетий — естественноисторическим изучением местной территории, характерной чертой которых, в отсутствие дисциплинарной специализации знания, являлся предметный эклектизм. И уж тем более к «советскому краеведению», становление которого нанесло серьезный удар по профессиональной исторической науке, в том числе и становлению локальных исторических исследований в стране.

Работа Шерстобоева фактически положила начало профессиональным историко-географическим и историко-демографическим исследованиям региона, изучению его политико-административной и социальной истории и даже, в известной мере, будущим генеалогическим исследованиям. Однако и географические и демографические и прочие сюжеты исследователь выстраивает вокруг «ядра» своей работы — изучения экономики, техники и организации крестьянского хозяйства, в силу чего ее можно с полным на то основанием отнести к жанру «локальной аграрной истории». Именно изучение экономики крестьянских хозяйств он делает ареной использования аналитических методов — главным образом количественных (статистических), «внесения в обработку документов расчетного метода»⁸, в то время как «периферия» попадет преимущественно во власть описательных методов воссоздания прошлого.

Подчеркнем решающую, на наш взгляд, роль не просто близких к истории областей знания — географии, картографии, демографии, статистики, но непосредственно входящих в ткань исторического знания на правах вспомогательных исторических дисциплин «исторической географии», «исторической демографии», «исторической статистики» и др., в возвращении в практику местного историописания научного подхода к изучению предмета.

Носителем нормативного исторического знания по отношению к местному историческому сообществу, практика историописания которого в течение, по меньшей мере, двух десятилетий определялась идеологическими и политическими, а не профессиональными установками, довелось выступить представителю уже не «столичной» или «центральной» исторической науки, а совершенно иной профессиональной группы. Именно в области специальных исторических знаний проявилась оппозиция В.Н. Шерстобоева местному историческому сообществу, прозвучит и открытая критика в адрес его лидеров⁹.

Начало более чем десятилетнему открытому противостоянию Шерстобоева сообществу местных историков было положено обсуждением первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» (Улан-Удэ, 1951), подготовленного при участии группы иркутских историков во главе с Ф.А. Кудрявцевым. Шерстобоев выступил с резкой критикой работы, усмотрев изъян не только в «прямых ошибках в цифрах, фактах и датах» (для проверки которых по архивным источникам он даже предпринял поездку в феврале 1952 г. в Улан-Удэ¹⁰), но и в «неправильной методологической основе книги».

«Старинной болячкой» местной исторической науки назвал он, прежде всего, полную ее (и ее лидера) несостоятельность в работе с цифровым материалом: «Ни одной цифры правильной в книге нет. Неумение автора использовать цифры бросается в глаза. Ведь цифры нужно не просто брать, их нужно выбрать, вывести, сопоставить. Случайные цифры всегда ошибочны... Такова порочная статистика, неумение владеть исторической статистикой хотя бы в элементарной форме»¹¹.

Продолжавшаяся на протяжении 1950-х гг. борьба с дилетантизмом и описательностью местной исторической науки напоминала сражения с ветряными мельницами. На все аргументированные замечания Шерстобоева, касались ли они техники работы с цифровым материалом, проблем исторической географии региона или его демографии, системы губернского управления или даже вопросов церковных и монастырских дел, оппоненты отвечали «напоминанием» об отсутствии у него исторического образования, его принадлежности к иной профессиональной группе. И лишь в личных письмах отдельные представители исторического цеха, в «нарушение» корпоративной этики, открыто признавали: «Наука благодарна Вам за «Илимскую пашню». Она будет обязана Вам еще за борьбу в деле защиты ее чести и очищения ее от халтурщиков»¹².

Страницы записей, делавшихся Шерстобоевым по ходу вспыхивавших порой дискуссий, пестрят полными горькой иронии восклицаниями «Я — не историк!». И словно ответ на эти «непробиваемые» аргументы — слова из письма еще одного иркутского «неисторика»¹³, доктора биологических наук, профессора сельскохозяйственного института В.Н. Скалона: «Хотя Вы себя историком не считаете, я Вас полагаю единственным у нас в Иркутске историком...»¹⁴.

Примечания:

¹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 3.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 68, л. 126.

⁵ Там же, д. 2, л. 6-6 об.

⁶ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 6.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 219, оп. 1, д. 785, л. 5 об.

⁸ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. ... С. 7.

⁹ В 1990-е гг., в пору «школоискательства» в отечественной исторической науке, таковая была «обнаружена» и в сообществе местных историков. Подробнее о «байкальской» или «иркутской» исторической школе и ее лидерах см.: Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории: тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. памяти М.А. Гудошникова и Ф.А. Кудрявцева. Ч. 1. Иркутск, 1994.

¹⁰ ГАИО, ф. р-1813, оп. 1, д. 68, л. 39.

¹¹ Там же, ф. р-2683, оп. 1, д. 27, л. 116.

¹² Там же, д. 88, л. 29 об.

¹³ См.: Скалон В.Н. Первые исследователи Сибири. Иркутск, 1949; Он же. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века. М., 1951; Он же. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. 2-е изд. Новосибирск, 2005.

¹⁴ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 87, л. 13 об.

С. Ч. МАНТУРОВА

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗРЕНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

Специфика российского законодательства определялась сохранением и укреплением самодержавной власти. Право окончательного утверждения законодательных актов принадлежало только императору. Политические преобразования, вызванные революцией 1905 г., внесли некоторые изменения в эту процедуру. Отныне до утверждения нового закона царем требовалось его одобрение Государственной Думой и Государственным Советом. Российское законодательство, в том числе и в области социального признания, отличалось чрезвычайным многообразием законодательных актов. В основе данного факта лежало то, что любое «волеизъявление» императора приобретало силу закона.

Первым законодательным актом о Забайкалье во второй половине XIX в. стало Высочайше утвержденное Положение о Забайкальском казачьем войске (17 марта 1851 г.). Оно определило новый статус приграничных Забайкальских казаков и закрепило место региона в политике Российской империи на востоке. Положение о Забайкальском казачьем войске определяли не только военное, хозяйственное, но и социальное положение каза-